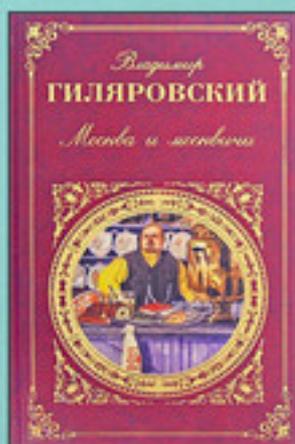

Владимир Гиляровский

Вася

Часть сборника
Москва и москвичи (сборник)

Люди театра

Владимир Гиляровский

Вася

«Public Domain»

1926

Гиляровский В. А.

Вася / В. А. Гиляровский — «Public Domain», 1926 — (Люди театра)

«В Тамбов я попал из Воронежа с нашим цирком, ехавшим в Саратов. Цирк с лошадьми и возами обстановки грузился в товарный поезд, который должен был отойти в два часа ночи. Окончив погрузку часов около десяти вечера, я пошел в город поужинать и зашел в маленький ресторанчик Пустовалова в нижнем этаже большого кирпичного неоштукатуренного здания театра...»

Владимир Гиляровский

Вася

«Тамбов на карте генеральной кружком означен не всегда». Эти строки Лермонтова я вспомнил осенью 1875 года в приемной антрепренера театра, в большой комнате с деревянными диванами и стульями.

На стене висела наклеенная на серый коленкор, засиженная мухами карта России, по которой, от скуки ожидания, я и путешествовал пальцем между надписями: «Воронеж», «Саратов», «Козлов» и все никак не находил Тамбова: его не было. Там, где, по моим знаниям, он должен был находиться, красовался сделанный порыжелыми чернилами треугольник, через который проходили линии железной дороги на Саратов и Рязань.

Наверху карты стояла размашистая подпись: «Михаил Докучаев ушел в Москву в Ильин день».

Вернулся мой путешествующий по карте палец из Рыбинска в Ярославль. Вспомнились ужасы белильного завода... Мысленно проехал по Волге до Каспия... В дербентские и задонские степи ткнулся, а мысль вернулась в Казань. Опять вспомнился арест, взломанная решетка, побег. И злые глаза допрашивавшего седого жандармского полковника, глядевшие на меня через золотое пенсне над черными бровями... Жутко стало, а в этот момент скрипнула дверь, и я даже вздрогнул.

Из кабинета антрепренера вышел его сын, мой новый друг, стройный юноша, мой ровесник по годам, с крупными красивыми чертами лица и волнистой темно-русой шевелюрой. Он старался правой рукой прощипнуть чуть пробивающиеся усики.

* * *

В Тамбов я попал из Воронежа с нашим цирком, ехавшим в Саратов. Цирк с лошадьми и возами обстановки грузился в товарный поезд, который должен был отойти в два часа ночи. Окончив погрузку часов около десяти вечера, я пошел в город поужинать и зашел в маленький ресторанчик Пустовалова в нижнем этаже большого кирпичного неоштукатуренного здания театра.

Подойдя к двери, я услышал шум драки. Действительно, шло побоище. Как оказалось после, пятеро базарных торговцев и соборных певчих избивали пятерых актеров, и победа была на стороне первых. Прислуга и хозяин сочувствовали актерам, но боялись подступиться к буйствующим. Особенно пугал их огромного роста косматый буян, оравший неистовым басом. Я увидел тот момент свалки, когда этот верзила схватил за горло прижатого к стене юношу, замахнулся над ним кулаком и орал: «Убью щенка!»

В один момент, поняв, в чем дело, я прыгнул, свалил с ног буяна и тем же махом двух его товарищей. Картина в один миг переменялась: прислуга бросилась на помощь актерам, и мы общими силами вытолкали хулиганов за дверь.

И пошел пир. Отбитый мною юноша, общий любимец, был сын антрепренера театра Григорьева, а с ним его друзья актеры и театральный машинист Ваня Семилетов. Хозяин ресторанчика Пустовалов поставил нам угощенье, и все благодарили меня. Часы пробили два, мой цирк уехал, – тогда только я спохватился и рассказал об этом за столом.

– Брось ты свой цирк, поступай в актеры, я попрошу отца, он тебя устроит, – уговаривал меня Григорьев.

И все остальные стали меня упрашивать.

А тут вспомнил я, что наш цирк собирался на весну в Казань, а потом в Нижний на ярмарку, а Казани, после ареста, я боялся больше всего: допрашивавший меня жандарм с золо-

тым пенсне, с черными бровями опять вырос предо мной. Вещей в багаже осталось у меня не много, бумаг никаких. Имени моего в цирке не знали: Алексис да Алексис – и только. Поди ищи меня!

Переночевал я на ящике из-под вина в одной из подвальных комнат театра, а утром, в восемь часов, пришел ко мне чистенький и свежий Вася Григорьев. Одет я был прилично, в высоких козловых сапогах с модными тогда медными подковами и лаковыми отворотами, новый пиджак, летнее пальто, только рубаха – синяя косоворотка.

И вот я один в приемной. Вася ушел к отцу, и тот, как оказалось, посадил его за составление афиши, почему я так долго и путешествовал указательным перстом по карте России.

Васе я назвал свою настоящую фамилию, родину, сказал, что был в гимназии и увлекся цирком, а о других похождениях ни слова. Я был совершенно спокоен, что, если буду в театре, мой отец паспорт пришлет. А Вася дал мне слово, что своего отца он уговорит принять меня.

И когда вслед за Васей показалась могучая фигура Григорьева в бухарском халате нарсапашку, когда я взглянул на его полное бритое лицо – сын на него как две капли воды был похож, те же добрые карие глаза и ласковая улыбка, – я сразу ожил.

Старик протянул мне большую мягкую руку и сказал:

– Пойдемте в столовую чай пить. Там уже собрались все свои, а вы наш. В цирке служили?

– Да.

– Значит, вы настоящий артист... Сегодня вечером, для первого дебюта, мы вас вымажем сажей и выпустим негром. Пойдемте, – взял меня под руку, повел и представил шумевшим за чаем актерам и актрисам.

Меня встретили аплодисментами. Оказалось, что все знали вчерашнюю историю – Семилетов, Сережа Евстигнеев и Дорошка Рыбаков, участники побоища, уже за чаем все рассказали, а из меня сделали какого-то Еруслана Лазаревича.

Вечером шла «Хижина дяди Тома», и я в курчавом парике, вымазанный сажей, сказал мою первую фразу на сцене:

– Здравствуйте, дядя Том.

И даже не заметил, что стоявшие со мной статисты, солдаты Рязанского полка, также сказавшие, как и я, эту фразу, сняли парики из вязанки, принятые ими за шапки, раскланялись и надели их снова. Да и публика не заметил этого. Только Григорьев, игравший дядю Тома, в антракте при всех надрал ухо Васе Григорьеву, который был помощником режиссера, и сказал, чтобы в другой раз объяснил статистам, что парики-одно, а шапки – другое.

* * *

Началась моя новая счастливая жизнь, так непохожая на предшествующие приключенческие годы, но имеющая с ними что-то общее: такая же вольная, такие же простые люди окружали меня – совершенно другие по обличью, по поступкам, по взглядам, но такие же хорошие товарищи.

Цирк, его «камрады», коверкавшие на иностранный лад русский язык, и иностранные женщины, с которыми я за все время сказал каких-нибудь десять слов, уже с первых дней показался мне чужим, а потом скучным. Увлекала только работа и появление перед публикой, а все остальное время пусто и нудно, все были друг другу чужими. А здесь с первого момента я сдружился со всеми, и все – от изящных артистов Песоцкого и Погонина до Ивана Ардалыоныча Семилетова, машиниста, плотника и декоратора, почувствовавшего ко мне любовь и уважение после сцены в ресторане, – стали моими друзьями.

И сразу переродили меня женщины театра, вернув мне те манеры, которые были приобретены в дамском обществе двух тетенок, младших сестер моей мачехи, только что кончивших Смольный, и бабушки-сенаторши. Самого сенатора, опального вельможу, сослуживца и друга

Сперанского, я уже не застал в живых. С тех пор как я ушел от них, за шесть лет, кроме семьи коневода, я несколько дней видел близко только одну женщину – кухарку разбойничьей ватаги атамана Ваняги Орлова, да и та была глухонемая.

Пораженный и ошарашенный увиденным в театре добрейшего Григорьева, я стал человеком театра, преданным ему.

И дела было у меня немало. Григорию Ивановичу Григорьеву я понравился. На третий день он позвал меня к себе в кабинет, где был Вася, и сказал ему:

– Возьми своего друга в помощники и первым делом сделай из него сценариста. Завтра идет «Свадьба Кречинского». Он будет следить за выходами. Пьеса легкая. Она у всех на слуху.

Он передал мне пьесу:

– Завтра на репетиции будете выпускать вы. Прочтите пьесу, запомните выхода. Вася объяснит.

Утром на репетиции и вечером на спектакле я благополучно справился с новым для меня делом, тем более что все актеры знали свои выхода, – оставалось только следить по книге. Через неделю я справился с «Ревизором». Вася долго меня муштровал:

– Главное, следи за репликами отца, не задержи Добчинского и Бобчинского. Когда он только скажет: «Вдруг открылась дверь – и шашь!», так в тот же миг выпускай их.

Сам я играл Держиморду и в костюме квартального следил за выходами. Меня выпустил Вася. Он отворил дверь и высунул меня на сцену, так что я чуть не запнулся. Загремел огромными сапожищами со шпорами и действительно рывкнул на весь театр: «Был по приказанию», за что «съел аплодисменты» и вызвал одобрительную улыбку городничего – Григорьева, зажавшего мягкой ладонью мне рот. Это была моя вторая фраза, произнесенная на сцене, в первой все-таки уже ответственной роли.

В следующем спектакле «Ревизора», перед Рождеством, я уже играл Добчинского, и эта роль осталась за мной и далее. Вася играл почтмейстера, и мы оба по очереди следили за выходами.

Работы было довольно. Ежедневно читали пьесы. Библиотека Григорьева была большая. Кроме того, на моей обязанности было выписывать, конечно, сперва под руководством Васи, костюмы и реквизит, иногда самый неожиданный.

Для какой-то обстановочной пьесы, кажется «Луcreции Борджиа», потребовалось двенадцать гробов, и я вместе с Васей и реквизитором ездил за ними на базар в гробовую лавку.

Мы сопровождали этот груз издали по главным улицам города, чтобы все видели, что его везут в театр. За нами бежали мальчишки, и к вечеру весь город говорил об этом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.